

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале славянских и южно-немецких говоров)

М.М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, 108, Ярославль, Россия, 150000
mmkondratenko@gmail.com

Статья посвящена вопросу о степени репрезентации в объективном языковом значении, фиксируемом диалектными словарями, символики реалемы, характеризующей традиционную культуру. Материалом послужила лексика различных славянских и восточно-франконских южно-немецких говоров, впервые представленная в сопоставительном аспекте с локализацией по диалектным микроузлам. По итогам исследования делается вывод о важности роли обрядового контекста для полноты представления о культурной значимости определенного образа, в данной статье — зайца. Собранный материал позволил установить, что обозначения зайца активно используются как в различных славянских, так и в южно-немецких говорах для наименования широкого круга предметов и явлений, связанных с плодородием и браком, метеорологией, народным календарем и др., что обуславливает его символическую семантику в традиционной культуре.

Ключевые слова: славянская и немецкая диалектология, традиционная культура славян, славяно-германские семантические параллели, обозначения зайца в славянских и немецких диалектах

ВВЕДЕНИЕ

Диалектография представляет собой одно из самых плодотворно развивающихся направлений современного языкознания, как германского, так и славянского. Помимо введения в практику лингвистических исследований нового и очень ценного материала использование словарей представляет интерес и с точки зрения ответа на многие вопросы, касающиеся фундаментальных теоретических положений. Диалектный материал в случае его тщательного сбора и лексикографической интерпретации на должном уровне (с указанием принадлежности к той или иной микрозоне, с отсеиванием случайных, индивидуальных примеров словоформ и т.п.) играет важную роль в разных отраслях языкознания. В частности, нельзя не отметить его значение для ответа на один из самых принципиальных вопросов этнолингвистики, а именно: в какой степени в структуру языкового значения слова входит его культурная, или символическая, семантика. Иначе говоря, насколько обрядовый контекст выходит за рамки объективного языкового значения, зафиксированного словарями (исходя из специфики объекта исследования — феноменов традиционной духовной и материальной культуры — в данном случае речь должна идти в первую очередь о диалектных словарях).

ЛЕКСЕМА ЗАЯЦ В КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКЕ

Поскольку в культурно значимой лексике каждый пример обладает многосторонним и объемным семантическим потенциалом, целесообразно рассматривать каждую лексему индивидуально. Примером подобных слов, представляющих в говорах реалему с большой символической значимостью, является лексема, восходящая к праславянскому **zajęць*.

Роль образа зайца в традиционной культуре славян уже достаточно подробно и основательно описана. Например, А.В. Гура в своем фундаментальном ис-

следовании выделяет разнообразные аспекты культурного значения реалемы «заяц» в славянских говорах. К ним он относит любовно-брачную символику, связь с хлебом и плодородием, с демоническими силами, с огненной стихией, с метеорологическими явлениями, с народной хрононимией; отмечается также влияние зайца на сон, зрение людей, а также на такие свойства зайца, как прыткость и трусливость. При этом культурная семантика определяется на основе как лексического или фразеологического значения соответствующего слова (например, *zečji san* — ‘заячий сон (сон с открытыми глазами), который непременно будет у ребенка, если мать употребляет во время беременности зайчатину’) в говорах Боснии), так и по результатам интерпретации текстов, в которых непосредственная номинация зайца может отсутствовать (примером этому может служить белорусское поверье, которое не находит выражения в устойчивом словосочетании: если в новую хату во время строительства забежит заяц, то она непременно сгорит) [3. С. 177—199]. Сходную картину традиционной символики зайца дает соответствующая словарная статья в другом масштабном труде — этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [6. С. 284—288]. Отсюда возникает вопрос: в какой степени культурное значение обладает языковым/диалектным статусом? Для ответа на этот вопрос имеет смысл привлечь данные славянской диалектной лексикографии, представляющей комплекс лексических и фразеологических значений языковых единиц, фиксируемых для определенной территории.

Для выявления степени универсальности или специфичности исследуемого семантического феномена целесообразным представляется его сопоставительный анализ с аналогичным феноменом в генетически удаленных говорах. В настоящей статье в сопоставительных целях использованы данные южнонемецких восточнофранконских говоров, распространенных в северной части Баварии. Привлечение немецкого диалектного материала позволяет рассмотреть исследуемую проблему на более широком лингвогеографическом фоне и уточнить диалектные зоны, охватываемые изосемами.

Спектр языковых значений лексем, обозначающих зайца, во многом предопределяется семантической мотивацией праформы. На славянской языковой территории обычно она связывается (благодаря привлечению балтийского материала — литовского *zuikis*) с мотивационным признаком ‘прыгать, скакать’; аналогичной мотивацией, по-видимому, обладает псков. *трусак* [5. С. 276]. Кроме того, наименование зайца может быть мотивировано серым цветом (польское *szarak* ‘разновидность зайца’, немецкое *Hase*, прусское *sasins* [21. С. 394—395]), а в литовском *kiškis* усматривается происхождение от обозначения подколенной впадины [18. С. 260]. Таким образом, этимологически наименование зайца обуславливается функциональным и некоторыми внешними признаками.

Анализ диалектного материала показывает, что сфера лексической и фразеологической семантики слов, обозначающих зайца, намного шире и сложнее этимона. Ее структура складывается из многих фрагментов, обладающих определенными ареалами распространения как на славянской, так и на неславянской языковой территории и нередко образующих изосемы, связывающие эти ареалы. К числу таких семантических фрагментов можно отнести некоторые приведенные ниже.

ЗАЯЦ И ХЛЕБ, ПИЩА, ПЛОДОРОДИЕ

В славянских говорах практически повсеместно распространено выражение *заячий хлеб* ‘остатки еды, приносимые с полевых работ’, например, в русских говорах Урала — *заячы гостинцы* [10. С. 206]; *to je od zajca* [25. С. 172], верхне-лужицкое *zaječi khlěb* [23. С. 961]. Кроме того, отметим полес. белор. *заец, зайчык* ‘сухие боковые выросты на печеном хлебе’ [13. С. 95,98] *зайцэ* ‘верхний снопок овса’ в говорах Гродненской обл. [12. С. 150]; *нива-та гони зайци* ‘нива колышется от ветра’ [2. С. 144], *зайци* ‘дырки в хлебе’ [1. С. 587] в болг. говорах; *zajoc* ‘продолговатый хлеб’ в кашубских, *зец* ‘рождественский калач’ у сербов.

В южнонемецких говорах это также *Hasenbrot* (заячий хлеб) в значениях: ‘сухой хлеб без дополнительных продуктов, вкусный, поскольку отец отобрал его у зайцев в поле’, ‘грибок на фруктовых деревьях’, а кроме того: *Rote Hasen* (красные зайцы) ‘оладьи из жареного тертого сырого картофеля’, *Dachhase* (заяц с крыши) ‘табузирванное название кошки, употребляемой в пищу в голодное время’ [16].

С влиянием на плодородие связаны кашуб. *zajki, zajqće morgi* ‘неплодородная местность на юге Кашуб’, *zajkove* — жители этой местности [25. С. 174], а также восточнофранконское *die Sandhasen* (песчаные зайцы) ‘жители местности с песчаной почвой, в частности, Волленбаха’. Во Франконии о неплодородной и, соответственно, безлюдной местности говорят *wo sich Fuchs und Hasen gute Nacht sagen* (где лиса и заяц желают друг другу спокойной ночи) [16]. То же значение безлюдной местности — *заячий остров* ‘отрезанный рекой от дорог, от «большого мира» участок’ [7. С. 248]

Тематически к этой же группе относятся пермск. *заяц* ‘невыкошенное место’ [8. С. 320], в русских говорах Карелии ‘нескошенная часть’ [9. С. 244] и кашуб. *zajc* ‘последние колоски или кусты картофеля’, *zajca uxvacёc* ‘закончить копку картофеля, сопровождая это особым обрядом, состоящем в том, что все встают вокруг «зайца»; тот, кто первым «схватил зайца», получает хлеб’ [25. С. 173].

ЗАЯЦ И НАРОДНАЯ ХРОНОНИМИЯ

На славянской языковой территории это ‘*зайков ден*’ ‘27 октября, в этот день не работают, чтобы зайцы не объедали хлебную ниву; пахарь, если на улице есть лед, кладет лемех в огонь’ в болгарских говорах [3. С. 186]. В восточнофранконских южнонемецких говорах зафиксированы следующие лексемы: *Hasentage* (заячы дни), временное значение здесь не имеет календарной приуроченности, а связано с определенными днями недели, когда в семье из-за недостатка средств едят только растительную пищу; *Grünhase* (зеленый заяц) ‘четверг перед Пасхой’ (в литературном немецком языке в этом значении выступает лексема *Gründonnerstag* (зеленый четверг), а *Osterhase* — ‘пасхальный заяц’) [16]. В поверьях западных славян заяц также связан с Пасхой: он на этот праздник откладывает яйца, однако в данном случае речь, по-видимому, идет о немецком влиянии.

ЗАЯЦ И ЗНАНИЯ О МИРЕ, ОПЫТ

В кашубских говорах на вопрос «что нового?» существует ответ: *zajce jak хоżëłë tak i хоґо* (зайцы как ходили, так и ходят) [25. С. 172]; в словенском языке отмечено выражение *v tem grmu zajec tiči* (в этих кустах сидит заяц) ‘здесь собака

зарыта' [24. С. 837]; в кашубских говорах — *mě ješ uzdržimě jak ten zajc pobega* (посмотрим, как этот заяц побежит) 'это еще не ясно' [25. С. 172]; в болгарских — *лови с кола зайци* ((он) охотится на зайцев на повозке) 'выполняет работу с хитростью'; *минЖль му заякъ пЖть* (заяц перешел ему дорогу) 'у него будут плохо идти дела' (в отличие от встречи с волком, которая сулит удачу) [2. С. 144], в словацких говорах — *robota ňe zajac ňe usekňe* 'работа не волк — в лес не убежит' (у словаков «не убегает» заяц) [17. С. 316].

Данная культурная семантика характерна и для южнонемецких говоров: *wis-sen, wie der Hase läuft* (знать, как бежит заяц) 'знать причину явления'; *er ist kein diesjähriger Hase* (он старый (буквально: старше, чем один год) заяц) 'опытный человек'; *Märzenhäuschen* (мартовский зайчик; март — время появления потомства у зайцев) 'юная девушка' [16]. В русских говорах Карелии — *заячий век* 'период детства' [9. С. 244].

ЗАЯЦ И ЛЮБОВЬ, БРАК

В смоленских говорах *заяц* — 'палка, закинутая молодым, на пути следования брачного поезда' [4. С. 262]; *заяц* в русских говорах Карелии и ярославских — 'в свадебном обряде: платок, свернутый особым образом, напоминающий зайца' [9. С. 244; 15. С. 115], отметим также название хороводов «заеньки», *заяушко* в говорах русского Севера [7. С. 246]; *zajíc, co po lopatě skáče* 'svatební koláč' в чешских ходских говорах [20. С. 117].

В восточнофранконских говорах зафиксирована лексема *Betthase* (кроватный заяц) 'любовник' [16].

Тематически к этой группе значений, связанных с браком, рождением детей, можно отнести *заяуха* 'женщина, отказавшаяся, удалившаяся от ребенка' (подразумевается, что зайчиха не кормит зайчат, а убегает) [9. С. 243]; *zajča gąba* 'заячья губа, являющаяся следствием того, что во время беременности женщина смотрела на зайца' [25. С. 174].

ЗАЯЦ И МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

В севернорусских говорах представлена лексема *зайцы* 'хлопья снега' [15. С. 115], 'белые гребни волн' [10. С. 203], 'иней, изморозь внутри дома' [7. С. 247]; 'первый снег осенью' [10. С. 203]. В словенских говорах с метеоявлениями связано выражение *zajčki krmo sušijo* 'о появлении перистых облаков' (зайцы сушат корму) [24. С. 836]. В кашубских говорах *zajc* 'резкий сильный ветер на море', *zajce* 'небольшие облака, предвещающие непогоду' [25. С. 173].

Данная тема достаточно широко представлена и в восточнофранконских говорах: *Die Hasen kochen eine Suppe, backen Brot, rauchen Tabakpfeiffe* (зайцы варят суп, пекут хлеб, курят трубку) 'состояние погоды, когда в лесу после дождя парит' [16].

ЗАЯЦ И ПОДВИЖНОСТЬ, ПРЫГУЧЕСТЬ КАК ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА

В говорах Ярославской области для характеристики дома, стоящего в стороне от других домов, или домов, разбросанных по деревне в беспорядке, используется выражение *как заячий лом* (лом — 'прыжок, скачок') [15. С. 115]. В болгарских говорах зафиксировано название игры *зайчо*, характеризующейся подпры-

гиваниями [2. С. 74]. Отметим также севернорусско-кашубскую семантическую параллель, связанную с использованием обозначения зайца: пермск. *заяц стреляный* ‘о спотыкающемся человеке’ [8. С. 320]; каш. *uxvasëc zajca* — ‘упасть, потерять равновесие’. Возможно, мотивация подвижностью используется в болгарских говорах наименовании *заякъ* ‘округлое бревно, подкладываемое под тяжелые предметы, чтобы их передвинуть’ [2. С. 144].

Восточнофранконский материал дает выражение *ein hockender Hase* (путешествующий заяц) ‘любящий путешествовать, перемещаться (т.е. «скакать») человек’ [16].

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В белорусских говорах на Лоевщине зафиксировано выражение *зайца скакаць* ‘о тесноте’ (у *сенцах етых нача зайца скакаць — цесната*) [14. С. 133]; далее эта тематическая группа представлена в псков. — *заяц наесться может* в значении ‘мало’ [5. С. 276]; *заяц может перескакать* ‘о мелкой реке’ [7. С. 248]; в кашубских — *tu bë są ani zajc ñe skrìł* (здесь заяц не спрячется) ‘о неглубокой вспашке’ [25. С. 172]; в польских загожанских говорах о начале увеличения светового дня говорят, что *na Nowy Rok przybyło dnia na zajuncy sklok* (день прибывает на заячий шаг) [22. С. 219].

БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО, БОЛЬШАЯ СТЕПЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ

В псковских говорах — *как у зайца холомков* в значении ‘много’ [5. С. 276]; в кашубских *goniëc zajãce* — ‘быть очень усталым’ [25. С. 174].

ЗАЯЦ И ЗРЕНИЕ, СОН

У славян широко распространено выражение *заячий сон* ‘чуткий сон незакрытыми глазами’, например, в болгарских — *заяшкый сънь* [2. С. 144], кашубских — *Mec spik jak zajc* [25. С. 172]; в восточнофранконских говорах — *der schlãft wie ein Hase* (спит как заяц) ‘иметь чуткий сон’ [16].

ОБРАЗ ИНФЕРНАЛЬНОГО СУЩЕСТВА

Проявляется, в частности, в кашуб. *kulavi zajc* (хромой заяц) ‘демонологическое существо в образе хромого зайца’ [25. С. 173].

ИНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

В кашубских говорах *zajãca droga* — ‘тропинка, протоптанная в поле в колосьях’ [25. С. 174], в восточнофранконских — *Haseweg* (заячий путь) ‘лесная тропинка’ [16]; *Aprilhase* (апрельский заяц) ‘жертва розыгрыша 1 апреля’ [16].

ЗНАЧЕНИЯ БЕЗ МАНИФЕСТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЕЙ

В ряде случаев «культурное» значение, приводимое в диалектных словарях, определяется на основе контекста. Так, в говорах Западной Герцеговины при характеристике снежной погоды, после которой должен наступить сильный холод, говорят, что *заяц ищет/будет искать свою мать* [19. С. 563]; в восточных белорусских говорах зафиксировано следующее описание: *як заяц бяжыць — глянеш на дзяцёнка, паўляіць — на глаза ніхарошы будзіць* [11. С. 197]; кашубы о детях, рожденных зимой, то есть в отсутствие аиста, говорят, что их принес заяц [25. С. 172].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ собранного материала позволяет сделать вывод о том, что роль внеязыкового контекста для выявления всей символики зайца в традиционной культуре все-таки очень важна. Весь комплекс представлений о роли в ней этого животного не сводится исключительно к языковому значению, отмечаемому в лексике и фразеологии. Даже при наличии языковой единицы, репрезентирующей определенный фрагмент «культурного» значения, остаются дополнительные компоненты, несводимые исключительно к лексической или фразеологической семантике и выражающие целый комплекс представлений о поведении человека в его взаимосвязи с окружающей действительностью. Однако в значительной степени «культурная» семантика фиксируется для языковых единиц как часть их лексического или фразеологического значения. Одним из доказательств объективности этого феномена являются изосемы, связывающие различные ареалы на славянской и неславянской языковой территории. Наиболее обширная роль отмечается по результатам анализа собранного материала для обозначения хлеба, оставшегося несъеденным во время работы в поле и принесенного обратно домой, называемого «заячий хлеб». Подобное выражение распространено практически на всей славянской территории, также в южнонемецких говорах, а с учетом литовского *zuikio pyrãgas* — и в балтийских. Широко представлены в культурной символике зайца, по данным славянской диалектографии, кроме того, темы плодородия и брака, подвижности и прыгучести, а также использование образа зайца в народной метеорологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Български етимологичен речник (1971). [Bulgarian etymological dictionary]. Т. I. София: Издателство на Българската академия на науките.
- [2] Геров Н. (1897). Рѣчник на бльгарский языкъ [Gerov N. Dictionary of Bulgarian language. Часть втора Е—К. Пловдив: Дружествена печатница «Съгласие».
- [3] Гура А.В. (1997). Символика животных в славянской народной традиции [Gura A.V. Symbolism of animals in Slavonic folk tradition]. М.: Издательство «Индрик».
- [4] Добровольский В.Н. (1914). Смоленский областной словарь [Dobrovolsky V.N. Smolensk regional dictionary]. Смоленск.
- [5] Псковский областной словарь с историческими данными (1996). [Pskov's regional dictionary with historic data]. Выпуск 12. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- [6] Славянские древности. Этнолингвистический словарь (1999). [Slavonic ancientry. Etymological dictionary]. Т. 2. С. 284—288. Москва.
- [7] Словарь говоров русского Севера (2009). [Dictionary of Northern Russian dialects]. Том IV. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- [8] Словарь пермских говоров (2000) [Dictionary of Perm dialects]. Выпуск 1. Пермь: Изд-во «Книжный мир».
- [9] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Dictionary of Karelia and its adjoining areas dialect]. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
- [10] Словарь русских народных говоров (1976). [Dictionary of Russian folk dialects]. Вып. 11. Ленинград: «Наука».
- [11] Слоўнік Сенненшчыны (2013). [Dictionary of Sennenschina]. Т. 1 А—К. Мінск: «Беларуская навука».

- [12] *Сцяшкови́ч Т.Ф.* (1983). Слоўнік Гродзенскай вобласці [Stsyashkovich T.F. Dictionary of Grodno region]. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [13] Тураўскі слоўнік (1982). [Turauskiy dictionary]. Т. 2 Д—К. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [14] *Янкова Т.С.* (1982). Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны [Yankova T.S. Dictionary of dialects of Loeushchiny]. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [15] Ярославский областной словарь. Учебное пособие. (1985). [Yaroslavl regional dictionary]. Вып. 4. Ярославль: Изд-во ЯГПИ.
- [16] Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Fürth. (No date).
- [17] *Buffa F.* (2004). Slovník šarišských nářecí. Prešov.
- [18] *Fraenkel E.* (1962). Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen.
- [19] *Gusič I.* (2004). Rječnik govora Dalmatinske zagore i Zapadne Hercegovine.
- [20] *Hruška J.* (1907). Dialektický slovník chodský. Praha.
- [21] *Kluge F.* (2002). Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. Berlin-New York.
- [22] *Kobylińska J.* (1866). Słownik gwary gorczańskiej (zagórzańskiej). Kraków: Wydawnictwo Naukowe AP, 2001.
Pfuhl C. Łużiski serbski słownik. Budyšin.
- [23] *Pleteršnik M.* (1894—1895). Slovensko-nemški slovar. B. I—II. Ljubljana.
- [24] *Sychta B.* (1973). Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Tom VI U—Ż. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

SLAVONIK-GERMAN PARALLELS IN SYMBOLIC MEANINGS OF REGIONAL DIALECT LEXIS (case-study of slavonic and southern german dialects)

M.M. Kondranenko

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky
Respublikanskaya str., 108, Yaroslavl, Russia, 150000
mmkondratenko@gmail.com

The article is devoted to the question of the representation of language in the objective value of the recorded dialectal dictionaries, symbolism reality, characterizing traditional culture. The study concludes on the importance of the role of ritual context for completeness of the presentation on the cultural significance of a certain way, this article is the hare. The collected material has allowed to establish that the designation of a hare are widely used in various Slavic and South German dialects to refer to a wide range of objects and phenomena, associated with fertility and marriage, meteorology, folk calendar.

Key words: Slavonic and German dialectology, traditional Slavonic culture, Slavonic-and German semantic parallels, naming of a hare in Slavonic and German dialects